
От «либерте» к «варьете» в социальной политике. Размышления над статьей доктора философских наук

С.Н. СМИРНОВ

А как все хорошо начиналось или, точнее, продолжалось тогда, во второй половине 1980-х годов! Поднявший голову либерализм позволил себе опубликовать в «Новом мире» пусть небольшую, но убийственную для существовавшей в стране экономической системы статью Поповой, доцента МИНХ им. Г.В. Плеханова, являвшегося кузницей управленческих кадров для плановой экономики, – «Где пироги слаще?». Неутешительными выглядели в ней проведенные автором сопоставления социальных результатов развития рыночных и плановых экономик именно с точки зрения конечного потребления населением социальных благ и услуг. Мир «реального социализма» безнадежно отставал от западных стран. Автору этих заметок тоже были хорошо знакомы подобные цифры: я реферировал в то время в ВИНТИ, и в западных журналах приводились данные об удельном весе социальных расходов в бюджетах экономически развитых стран, которые мы называли капиталистическими. Эти показатели были существенно выше, чем в СССР. Население этих стран гораздо лучше было обеспечено образовательными услугами, имело лучший доступ к медицинской помощи, жилищные условия были несопоставимы – и, понятно, не в нашу пользу. Иными словами, мы отставали в решении именно социальных проблем, необходимостью которого всегда оправдывался октябрьский переворот 1917 г., декларированный впоследствии как Великая октябрьская социалистическая (sic!) революция. Убогие социальные гарантии для населения страны – отсутствие безработицы, якобы низкая оплата жилья были слишком дорогими для населения. Государство – фактически единственный работодатель – регулировало цену труда и постоянно занижало его, за исключением некоторых отраслей и сфер деятельности, например, военно-промышленного комплекса, силовых структур и т. д. Тысячу раз права Т.Ю. Сидорина, утверждающая, что «в начале 1980-х годов мы... были убеждены в необходимости реформ». Пожалуй, это единственный тезис, который принимают представители практически всех без исключения направлений российской общественно-политической мысли. Расхождения начинаются дальше – как, собственно, реформировать, были ли реальные альтернативы тому пути, который *de facto* был избран властными структурами (что важно – не страной!) в начале 1990-х годов?

А в начале перестройки значительная часть населения СССР поддержала реформаторские устремления – слишком очевидными стали нараставший мажоризм государственной власти, пустопорожние идеологические заклинания и, что особенно важно для населения, – тотальный дефицит на потребительском рынке. Единственное вменяемое лицо из махавших с трибун членов ЦК КПСС – М.С. Горбачева не могло не привлечь к себе внимания в середине 1980-х годов. И если бы не идеологический навес над экономикой, социально-экономические реформы в стране начались бы на 5–6 лет раньше.

Наверное, Россия могла бы относительно спокойно пройти, пусть и в сжатые по меркам нормальных траекторий развития сроки, путь трансформации своей социальной модели, если бы не три принципиальных, на мой взгляд, фактора, которые не позволили это сделать.

Первый фактор имеет более чем объективный характер. Это реальная экономическая катастрофа, к которой сначала постепенно, а потом ускоренными темпами продвигалась страна. Предпосылки катастрофы ярко описаны Е. Гайдаром в его «Гибели империи», аргументы которой, на мой взгляд, не оставляют камня на камне от аргументов многочисленных сторонников так называемых альтернативных путей реформирования экономики и социальной сферы России. Не буду цитировать, лишь отмечу, что риск этой катастрофы можно было снизить в том случае, если бы не было той самой «зависимости от предшествовавшего развития», которой Т.Ю. Сидорина посвятила специальный раздел статьи «Социальная политика в условиях вертикального контракта».

Действительно, случившееся во второй половине 1980-х годов падение цены на нефть, о котором пишет Е. Гайдар, само по себе еще не было для России полноценной шекспировской трагедией. Это, образно говоря, лишь только пролог к шекспировскому «Макбету». Остальные действия пьесы были созданы совместными усилиями бездарных правительственных идеологов и подчиненных им экономистов, которые никак не могли понять, что только реструктуризация советской экономики – суть спасение от надвигавшейся катастрофы. Вместо того чтобы признать глубокое технологическое отставание СССР от развитых западных экономик, лидеры страны уподобились фантастам, полагавшим, что советское машиностроение в кратчайшие сроки достигнет мирового уровня и насытит отечественный рынок качественными автомобилями, радиотехникой и другими потребительскими товарами. В этом случае при сохраняющейся возможности государственного регулирования потребительских цен был бы снят пресловутый навес денежных сбережений населения над экономикой. Автор хорошо помнит, что и он внес свой вклад в попытки реализации этой утопии. Работая во второй половине 1980-х годов в секторе машиностроения Центрального научно-исследовательского экономического института при Госплане РСФСР и участвуя в разработке Комплексной программы научно-технического прогресса, Схемы развития и размещения производительных сил, он стремился увеличить требуемый объем тогда еще только государственных инвестиций в машиностроение России. Лишь спустя несколько лет пришло четкое осознание того факта, что на самом деле решение социально-экономических проблем страны следует искать в принципиально иной системе координат.

Второй фактор можно условно назвать «национальным». Это – наивная российская вера в чудеса, в том числе и социальные. Русский сказочный фольклор в немалой степени способствовал этой вере (удачна стилизация Т. Шаова: «и потечет Шампань в кисельных берегах»). Но суть вот в чем: в примитивную логическую цепочку «на Западе при капитализме люди живут лучше, чем в России при социализме – строй необходимо изменить – люди в России будут жить так же, как на Западе» не включалось принципиальное условие ее реализации. А это условие заключалось в сущностном изменении менталитета российских граждан: шаг от отрицания государственного патернализма к опоре на собственные силы был сделан немногими – теми, вход которых в силу объективных либо субъективных обстоятельств в рыночную экономику был облегчен. Основная масса россиян, как и в советский период, продолжает ориентироваться на патерналистскую модель. Принципиально важно, что переход от преимущественно государственного (государственные социальные гарантии) к преимущественно негосударственному (социальный пакет работодателей) патернализму для абсолютного большинства работодателей оказался с содержательной точки зрения не очень заметным.

Третьим фактором стало отсутствие в период проведения социально-экономических реформ внятного государства. Автор никогда не был сторонником какой-либо государственной идеологии. Но гражданин вправе ждать от законодательных органов и правительства страны более или менее ясных объяснений относительно проводимой социально-экономической политики. Попытки либералов призыва 1991 г. сочетать либеральные социально-экономические решения с наследием «предыдущего» развития изначально были неэффективны. В тот период не был обеспечен принципиальный переход от поддержки «сфер» (например, жилищно-коммунальной, здравоохранения, образования) к поддержке конкретных домохозяйств, которые реально нуждались в обеспечении их доступа к соответствующим социальным услугам на этапе перехода к рыночной экономике.

Результирующей действия этих факторов и стала та социально-экономическая модель, которая сложилась в середине первого десятилетия XXI в. в России. Ее основной характеристикой является фактический провал модели свободного рынка и переход к так называемому государственно-корпоративному капитализму. Только в 1999–2004 гг. доля работающих по найму в общей численности занятых в экономике России увеличилась с 90,2% до 93,2%, в то время как доля самостоятельно занятых снизилась с 7,3% до 5%. Для социальной политики в этом контексте важно то, что для абсолютного большинства занятых по-прежнему безразлично, кто дает им социальные гарантии – государственный или частный работодатель. Принципиальным при этом является лишь сам размер этих гарантий. В этих условиях у законодательной и исполнительной властей страны увеличиваются возможности решений в области социальной политики, а большинство таких решений будут восприниматься обществом, как минимум, не негативно.

Провал либеральной модели экономики стал своеобразным демпфирующим фактором улучшения ситуации в социально-трудовой сфере страны. В 2005 г. в

расчете на 1000 человек трудоспособного возраста в России приходилось 590 лиц в возрасте моложе и старше трудоспособного возраста, в то время как в 2002 г. – 631, или почти на 7% больше. Но к этому времени рост экономической свободы уже был нейтрализован ростом экономической зависимости и сужением возможностей развития экономической самостоятельности граждан.

Создалось то самое общество вертикального контракта, о социальных проблемах которого столь убедительно пишет Т.Ю. Сидорина. Период революционных потрясений прошел. Наступила пора эволюции.

У независимого исследователя в этих условиях есть два варианта аналитических действий. Первый – со всей рьяностью броситься на инфраструктурное обеспечение новой социально-экономической модели российского общества. Речь идет о разработке соответствующих сложившейся ситуации проектов нормативно-правовых документов, организации социального мониторинга, анализе полученных в ходе его проведения результатов.

Второй вариант заключается в оценке перспектив развития выстраиваемой социальной политики, возможностей и целесообразности ее изменения. И, на мой взгляд, в настоящее время оснований для пессимизма, в отличие от экономически и социально тяжелого периода рыночных реформ в России в начале 1990-х годов, гораздо больше. Понятно, что это – пессимизм либерала, к которому относит себя автор «размышлений», а не, скажем, «патриота» или «государственника», которому многое из происходящего может и понравиться.

Итак, что важно для выработки социальной политики в современной России, с какими объективными данностями необходимо считаться?

Во-первых, существующая в настоящее время система социально-экономических отношений основана прежде всего на неформальных процедурах и практиках, постоянно воспроизводящих коррупцию. Достаточно обратиться к международным рейтингам России в соответствующих показателях, чтобы признать, наконец, актуальность не борьбы с «оборотнями», не президентских антикоррупционных инициатив, а необходимость радикальной и системной трансформации существующих экономических отношений. Пока же соответствующая борьба носит не системный, а скорее личностный характер. Впрочем, есть и иной вариант – признать существующий путь развития как приемлемый, отсесть маргинальные его проявления и тем самым успокоить общество. Похоже, что ситуация будет дальше эволюционировать именно в этом направлении.

Во-вторых, в этой схеме общество рассматривается властями не как заказчик социально-экономической политики или, в худшем случае, как партнер в ее выработке, а просто как объект управления. Отмена выборов губернаторов, исключение графы «против всех» в избирательных бюллетенях только подтверждают это. Законодатели, стремясь не услышать мнение общества, оказались не в ладах и с математикой. «Вы же по-прежнему можете не ходить на выборы! Или прийти и выбрать того, чья позиция отвечает Вашим интересам», – лениво замечает депутат Государственной Думы. А если ничья не отвечает? Раньше Ваш голос учитывался как несогласный, а теперь-то он просто вычеркивается (понятно, мы говорим не о «договорных», а о «честных» выборах). А в резуль-

тате, приняв определенные допущения, рассчитываем вполне реальное значение цепного индекса уровня доверия к депутату Государственной Думы:

$0,26$ (доля пришедших на выборы от общей списочной численности избирателей) * $0,65$ (доля проголосовавших за победившего депутата от общей численности пришедших на выборы) = $0,169$.

Итак, выбранный нами депутат получит реальную поддержку менее чем $1/5$ общей численности избирателей. Ну а будущий третий Президент Российской Федерации, наверное, чуть-чуть побольше.

Но есть и преимущество – голосующее подобным образом общество вряд ли может быть жестко управляемым. «Пофигизм» (да простит меня читатель за этот определенно не научный термин), неуважение к органам власти различных уровней – вполне адекватная реакция общества на неуважение власти к нему. Единственный способ удержать его в рамках – это навязать ему некоторую модель социальной политики. Правильно отмечает Т.Ю. Сидорина – социальную политику в рамках выстроенного общества «вертикального контракта». Но, заметим, эта социальная политика будет заведомо благоприятна для государства, а не для общества, конкретных его представителей.

Поводов держать общество на коротком поводке достаточно много. Каждый гражданин всегда думает о воспитании детей, о возможности потери работы, о будущем пенсионном обеспечении. И низкий уровень доходов абсолютного большинства населения, его сильная текущая экономическая зависимость от работодателей, отсутствие у населения системы «страховых прокладок» позволяют государству навязывать именно те правила социальной игры, которые именно оно, а не общество считает приемлемыми для себя.

Например, если говорить о системе «страховых прокладок», то к началу июня 2006 г. объем привлеченных кредитными организациями банковских вкладов (депозитов) физических лиц составил 3021,7 млрд руб., или 21220 руб. в расчете на постоянного жителя страны. Эта величина составила с двухмесячными начисленными в июне 2006 г. заработных плат в расчете на одного работника. А ведь население страны по-прежнему в основном зависит от оплаты труда: во II квартале 2006 г. ее доля в структуре денежных доходов населения составила 66,8%, в то время как доля «независимых» видов доходов была существенно меньше. Всего 10,9% всех доходов население получило от предпринимательской деятельности и 8,6% – от собственности. В той же мере население России зависит и от социальных выплат (трансфертов), доля которых в структуре доходов составила 11,9%.

Аналогичные неутешительные выводы могут быть сделаны и в отношении системы государственного пенсионного обеспечения. Средний размер назначенной месячной пенсии в июне 2006 г. составил 2728 руб., или всего 27,4% к среднему размеру начисленной заработной платы. Понятно, что российское население реально не получило той экономической самостоятельности, которую провозглашает либеральная экономическая доктрина. И в этих условиях говорить о вине либерализма перед российским обществом, на мой взгляд, неверно. Просто избрана другая модель развития страны, в которой либеральные элементы – дополняющие, но отнюдь не базовые.

Т.Ю. Сидорина справедливо обращает внимание на опасность сохранения «патриархальных» принципов в государственной социальной политике. Адепты последних, на мой взгляд, просто не обратили внимания на существенные изменения, произошедшие с населением, несмотря на усилия государства построить общество вертикального контракта. Еще в 1992 г. Е. Гайдар говорил, что население адекватно относится к происходящему. Обойти вертикальный контракт, нарушить его условия для любого домохозяйства – естественная линия поведения. Коммунистическая причиталка «Раньше думай о Родине, а потом о себе» в нынешних условиях вполне логично трансформировалась во вполне серьезный отстаиваемый автором тезис «Государство сильно только тогда, когда его население экономически независимо от государства». Но, увы, как уже говорилось выше, социально-экономические предпосылки реализации этого тезиса в России пока еще не сложились. И пока это так, мы будем и в обозримом будущем жить не столько по законам, сколько по понятиям, взаимоустраивающим договаривающиеся стороны. Это не так плохо, поскольку последние во многих случаях логичнее зачастую слабо проработанных законов.

Но главное при этом, чтобы ни одна из договаривающихся сторон не зарывалась. Как это произошло, например, в Москве в январе 2007 г., когда льготы по оплате жилья и коммунальных услуг, изначально предполагавшиеся безналичными, были переведены Правительством Москвы в наличную форму, причем с обязательным институциональным сопровождением самими льготниками (явка в банк, в ЕИРЦ). Интересы одной из банковских структур сыграть на календарной несинхронности прохождения финансовых трансфертов и получения тем самым дополнительных оборотных средств были шиты белыми нитками и в данном случае вторглись в сферу социальной политики.

А для того чтобы социальная политика в России стала действительно либеральной, должно пройти время. В начале 1990-х годов либерализм опередил время. На очередном витке российской исторической спирали он еще, возможно, ответит на запросы страны.

Автор признателен главному редактору журнала «Мир России» д-ру ист. наук О.И. Шкартану за предоставленную возможность высказаться по поводу социальной политики в современной России, а также д-ру филос. наук Т.Ю. Сидориной за предоставленный повод для соответствующих размышлений.